



**БЕССМЕРТНЫЕ**

**ЗОЛОЧЕНЫЕ**

**THE MERCILESS ONES**

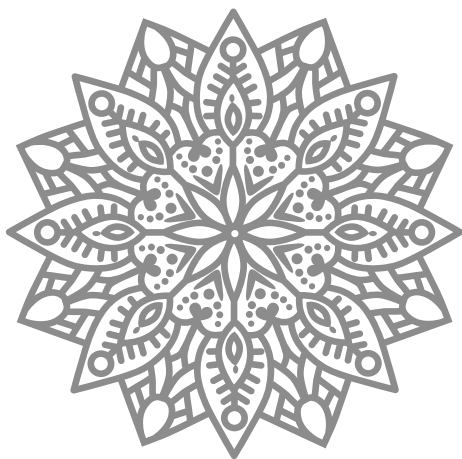


NAMINA FORNA

THE GILDED  
ONES

Намина Форна

# ЗОЛОЧЕНЫЕ



Москва

2023

УДК 821.111-312.9(73)  
ББК 84(7Сое)-44  
Ф79

Namina Forna  
THE GILDED ONES

Copyright © 2023 by Namina Forna  
This edition is published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd  
and The Van Lear Agency LLC

Иллюстрация на обложке *Яны Слепцовой*

Перевод с английского языка *Ксении Гусаковой*

**Форна, Намина.**

Ф79 Золоченые / Намина Форна ; [перевод с английского К. Гусаковой]. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-04-173746-7

Шестнадцатилетняя Дека с трепетом и надеждой ждет Ритуала, который изменит всю ее жизнь. Наконец-то жители родной деревни примут ее как равную, несмотря на темную кожу южанки. Ведь она докажет, что под этой кожей течет чистая кровь.

Однако сверхъестественная интуиция подсказывает: Дека отличается от всех остальных. И в день Ритуала вскрывается страшная правда: вместо ярко-алой крови в жилах девушки течет проклятое золото. А это означает кое-что похуже смерти.

К счастью, таинственная посланница императора предлагает Деке выбор: остаться здесь и пасть жертвой жестоких старейшин или сражаться плечом к плечу с такими, как она. Их зовут алаки. Они практически бессмертны. И только они способны предотвратить величайшую угрозу для империи.

УДК 821.111-312.9(73)  
ББК 84(7Сое)-44

© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-173746-7

*Моему отцу, который научил меня мечтать.  
Моей матери, которая научила меня делать.  
Моей сестре, которая поддерживала меня  
на всем пути*



Ритуал Чистоты уже сегодня.

Тревожная мысль кружится в голове, я спешу к сараю, запахивая плотнее плащ, чтобы защититься от холода. Сейчас раннее утро, солнце еще даже не показалось над припорошенными снегом макушками деревьев вокруг нашего маленького фермерского домика. В темноте сгущаются тени, обступают слабенький круг света моей лампы. Под кожей нарастает зловещее покалывание. Как будто рядом что-то есть, и вот-вот краем глаза...

Я просто нервничаю, говорю я себе. Я много раз чувствовала это покалывание и ни разу не видела ничего странного.

Дверь сарая открыта, на столбе висит фонарь. Отец уже внутри, расстилает сено. Он — просто силуэт в темноте, сторбленный высокий человек. Всего три месяца назад он был бодрым и крепким, его светлые волосы еще не тронула седина. А потом пришла красная оспа, от которой слегли и он, и мать. Теперь он сутулый и увядший, глаза его слезятся, а волосы поредели, как у человека на несколько десятилетий старше.

— Уже проснулась, — тихо говорит он, скользнув по мне взглядом серых глаз.

— Не могу больше спать, — отвечаю я, хватая доильное ведро, и направляюсь к Норле, нашей самой большой корове.

Я должна отдыхать в уединении, как остальные девушки, что готовятся к Ритуалу, но на ферме слишком много работы, а рук не хватает. С тех самых пор, как три месяца назад умерла мать. К глазам подступают слезы, я их смаргиваю.

Отец подкладывает в стойла еще сена.

— Благословен тот, кто пробуждается узреть славу Безграничного Отца, — цитирует он Безграничные Мудрости. — Что ж, готова к сегодняшнему дню?

Я киваю:

— Готова.

Позже, после полудня, во время Ритуала Чистоты старейшина Дуркас проверит меня и остальных девушек шестнадцати лет. Как только мы докажем, что чисты, то станем законными жителями деревни. Я наконец стану женщиной — той, кто может выйти замуж, обзавестись собственной семьей.

Мысль вызывает новую волну тревоги.

Я краем глаза бросаю на отца взгляд. Он напряжен, движения даются ему с трудом. Он тоже волнуется.

— Мне тут пришло в голову, отец... — начинаю я. — Что, если... что, если...

Я осекаюсь, незаконченный вопрос тяжело повисает в тишине. Полумрак сарая затапливает невыразимым ужасом.

Отец одаривает меня ободряющей, как ему кажется, улыбкой, но уголки его рта кривятся.

— Что, если что? — спрашивает отец. — Поделись со мной, Дека.

— Что, если моя кровь нечиста? — шепчу я, страшные слова рвутся наружу стремительным потоком. — Что, если меня заберут жрецы, изгонят?

Я вижу это в кошмарах, страхи пронизывают и другие сны тоже, где я посреди темного океана, и меня зовет голос матери.



— Об этом ты тревожишься?

Я киваю.

И хотя такое случается редко, каждый знает о чьей-то сестре или родственнице, в которой обнаружили нечистое. В последний раз это стряслось в Ирфуте несколько десятилетий назад — с кузиной отца. В деревне до сих пор шепчутся о том дне, когда ее поволокли прочь жрецы, и больше несчастную никто не видел. Семья отца так и не оправилась от брошенной на них тени.

Вот почему они всегда так святы — всегда первые у дверей храма, и все мои тетушки в масках, скрывающих даже рот. Безграничные Мудрости предостерегают: «Лишь нечистая, богохульная, порочная женщина остается открыта пред глазами Ойбмо», но это относится только к верхней половине лица, от лба до кончика носа. Мои тетушки, однако, даже на глазах носят маленькие квадратики прозрачной ткани.

Когда отец вернулся с военной службы и привез с собой мать, вся семья немедленно от него отреклась. Слишком великий риск — принять женщину неизвестной чистоты, к тому же чужачку.

Потом родилась я — дитя достаточно темнокожее, чтобы считаться полной южанкой, но с серыми глазами отца, ямочкой на подбородке и мягкими завитками волос, говорящих обратное.

Я прожила в Ирфуте всю жизнь, и во мне все еще видят чужачку — пялятся, тычут пальцем, отвергают. Даже в храм бы не пустили, если бы кто-то из родни отца не настоял. Пусть лицом я точь-в-точь отец, этого недостаточно. Деревне нужно меня проверить, и лишь тогда они, как и семья отца, меня примут. Как только моя кровь окажется чиста, я наконец стану своей.

Отец подходит, ободряет меня улыбкой.

— Ты знаешь, что такое быть чистой, Дека? — спрашивает он.

Я отвечаю отрывком из Безграничных Мудростей:

— Блаженны кроткие и покорные, смиренные и истинные дщери человеческие, ибо незапятнаны они пред ликом Отца Безграничного.

Каждая девочка знает эти слова наизусть. Мы повторяем их всякий раз, как входим в храм, — постоянное напоминание, что женщины созданы помогать мужчинам, подчиняться их желаниям и приказам.

Я киваю:

— Думаю, да.

В глазах отца мелькает неуверенность, но он снова улыбается и целует меня в лоб.

— Тогда все будет хорошо.

Он возвращается к сену. Я сажусь рядом с Норлой, тревога все не дает мне покоя. В конце концов, я похожа на мать еще кое-чем, и отец этого не знает — а деревня и подавно, иначе возненавидят сильнее во сто крат.

Я непременно должна сохранить все в тайне. В деревне никто не должен узнать.

Никогда.



Когда я добираюсь до деревенской площади, все еще стоит раннее утро. Легкий холодок в воздухе, с крыш домов свисают сосульки. А солнце все равно яркое, лучи его отражаются от высоких арочных колонн Храма Ойомо. Они олицетворяют молитву, медитацию на движение солнца Ойомо по небосклону каждый день. По ним верховные жрецы определяют, в какие два дня года проводить весенний и зимний Ритуалы. Один вид этих колонн вызывает во мне очередную волну тревоги.

— Дека! Дека! — взволнованно машет с другой стороны дороги знакомая неуклюжая фигура.

Ко мне спешит Эльфрида, так плотно закутанная в плащ, что видны лишь ярко-зеленые глаза. Мы обе всег-

да стараемся закрывать лица, когда выходим на площадь — я из-за цвета кожи, Эльфрида из-за красноватого родимого пятна на левой щеке. Девушкам разрешается оставаться открытыми до тех пор, пока они не пройдут Ритуал, но нет смысла привлекать к себе внимание, особенно в такой день.

Этим утром крошечная мощеная площадь Ирфута заполнена сотнями людей, и каждую минуту прибывают новые телеги. Они едут со всей Отёры: надменные южане с почти черной кожей и туго завитыми волосами; добродушные жители запада с длинными черными конскими хвостами и татуировками по всей золотистой коже; бесстыжие северяне, розовощекие, со сверкающими на морозе светлыми волосами; и тихие жители востока всех оттенков, от темно-коричневого до цвета яичной скорлупы, их прямые и шелковистые черные волосы струятся по плечам блестящими реками.

Пусть до Ирфута не так-то просто добраться, он славится хорошенькими девушками, и мужчины съезжаются издалека посмотреть на достойных, прежде чем те наденут маску. Многие девушки сегодня найдут себе мужей — если еще этого не сделали.

— Разве не здорово, Дека? — хихикает Эльфрида.

Она указывает на площадь, нынче по случаю празднично украшенную. Двери всех домов, где живут достойные девушки, выкрашены красным, в окнах весело развеваются флаги, у каждого входа горят яркие фонари. Есть даже танцоры в масках и на ходулях и огнеглотатели. Они бродят в толпе, оттягивая внимание от торговцев, продающих мешочки жареных орехов, копченые куринные ножки и засахаренные яблоки.

При виде всего этого меня пронизывает радостное волнение.

— Здорово, — отвечаю я с веселой улыбкой, а Эльфрида уже тащит меня за собой.

— Скорей, скорей! — подгоняет она, проносясь мимо толпы гостей, и многие, остановившись, неодобрительно хмурятся из-за отсутствия рядом с нами родственников-мужчин.

В большинстве деревень женщины не могут покинуть дом без сопровождения мужчины. Ирфут, однако, невелик, и мужчин очень не хватает. Слишком многие ушли на воинскую службу, как мой отец, когда был моложе. Некоторые даже пережили обучение и стали *джáту*, избранной стражей императора. Замечаю их по краям площади, настороженных, в сверкающих красных доспехах.

Сегодня их, по меньшей мере, двенадцать, куда больше, чем обычные два-три, которых столица присылает на зимний Ритуал. Может, это правда, о чем люди шептались: в этом году через границу прорвалось больше смертовизгов.

Эти чудовища веками осаждают южную границу Отеры, но за последние несколько лет они стали гораздо агрессивней. Обычно они нападают ближе к дню Ритуала, разрушают деревни, пытаются украсть нечистых девушек. Ходят слухи, что нечистота делает девушек много вкуснее...

К счастью, Ирфут лежит в отдаленной части севера, в окружении заснеженных гор и непроходимых лесов. Смертовизги никогда не найдут сюда дорогу.

Эльфрида не замечает моих размышлений, она слишком занята — улыбается воинам-джату.

— Ну, разве они не красавцы в этом алом? Слышала, их только призвали, и сейчас они объезжают провинции. Как чудесно, что император прислал их нам к Ритуалу!

— Наверное... — бормочу я.

На самом деле я еще никогда не видела в день Ритуала столько джату. Обычно их один или два, а тут не меньше пятнадцати. Может, и правда, что люди шепчут-

ся: дела на южной границе все хуже, император пытается завлечь больше новобранцев.

У Эльфриды урчит в животе.

— Ну, быстреей, Дека! — подгоняет она и тащит, тащит меня за собой. — Еще чуть-чуть, и в пекарне будет не протолкнуться.

Она тянет меня так сильно, что я спотыкаюсь, налетаю на что-то большое и твердое.

— Прошу прощения, — выдыхаю, подняв взгляд.

На меня сверху вниз смотрит приезжий, растянув губы в хищной ухмылке.

— Что же это, еще одна сладкая крошка? — подступает он ближе.

Я тут же отшатываюсь на шаг. Как же я так сглупила? Мужчины из других деревень не привыкли видеть женщин без сопровождения и могут предположить самое ужасное.

— Простите, я должна идти, — шепчу я, а он хватается за меня, прежде чем я успеваю отскочить, пальцы жадно тянутся к пуговице, что скрепляет верх моего плаща.

— Ну не надо так, крохотка. Будь хорошей девочкой, сними-ка плащ, дай нам посмотреть, зачем мы сюда... — Широкие руки отрывают его от меня, не давая закончить фразу.

Я поворачиваюсь; на мужчину сверху вниз пристально смотрит Ионас, старший сын старейшины Олама, деревенского главы, и на его лице нет ни следа его обычной легкой улыбки.

— Если хочешь в бордель, то он дальше по дороге, в твоём городе, — произносит Ионас, сверкая голубыми глазами. — Тебе, быть может, лучше вернуться туда.

Одной разницы в их росте достаточно, чтобы мужчина заколебался. Пусть Ионас и считается самым красивым юношей нашей деревни, с его-то светлыми волоса-

ми и ямочками на щеках, он еще и среди самых крупных, массивный, как бык, и такой же грозный.

Пришелец с раздражением сплевывает на землю.

— Не кипятись, мальчик. Я всего лишь малость пошутил. Она ж даже не северянка, ради всего святого.

От неприятного напоминания в моем теле напрягается каждый мускул. Какой бы я ни была тихой, безобидной, темная кожа — вечная метка моей принадлежности к южанам, ненавистным племенам, которые давным-давно завоевали северяне, вынудили его стать частью Единого царства, ныне известного как Отера. Мне поможет лишь Ритуал Чистоты.

Пожалуйста, пусть я чиста, пусть я чиста, возношу я маленькую молитву Ойомо.

Я плотнее кутаюсь в плащ, желая провалиться сквозь землю, но Ионас шагает к приезжему еще ближе, и его глаза воинственно пылают.

— Дека родилась и выросла здесь, как и все мы, — рычит он. — Ты больше к ней не притронешься.

Я таращусь на Ионаса, потрясенная неожиданной защитой. Пришлый фыркает.

— Как уже сказал, я просто пошутил. — И бросает друзьям: — Пошли лучше выпьем.

Они с ворчанием удаляются. Ионас поворачивается ко мне и Эльфриде.

— Все в порядке? — спрашивает он с тревогой на лице.

— Да. Просто немного испугалась, — выдавливаю я.

— Но не пострадала. — Теперь его взгляд устремлен на меня, такой искренний, что мне стоит невероятных усилий не съежиться от стыда.

— Нет, — качаю я головой.

Ионас кивает.

— Приношу извинения за случившееся. Мужчины порой как звери, особенно если рядом девушка, столь хорошенькая, как ты.

Девушка, столь хорошенькая, как ты...

Слова бьют в голову, как крепкий хмель, я даже не сразу понимаю, что Ионас продолжает.

— Куда направляетесь? — спрашивает он.

— В пекарню, — отвечает Эльфрида, поскольку я никак не обрету дар речи.

Она кивает на маленькую уютную постройку через дорогу от нас.

— Я понаблюдаю отсюда, — говорит Ионас. — Чтобы вас никто не обидел.

И снова устремляет взгляд на меня.

Мои щеки пылают все горячеей.

— Благодарю, — шепчу я и спешу в пекарню.

Эльфрида хихикает.

Верный слову Ионас всю дорогу не сводит с меня глаз.



В крошечной пекарне уже целая толпа, как Эльфрида и предупреждала. Маски поблескивают в тусклом свете, женщины повсюду, и они покупают нежнейшие розовые пирожные чистоты и огромное количество хлебцев в форме солнца в честь события. Обычно маски просты, они сделаны из тончайших деревянных пластин или пергамента и наудачу разрисованы молитвенными символами. Однако в праздничные дни, подобные этому, женщины надевают самые затейливые, сделанные в виде солнца, луны или звезд, с геометрической точностью украшенные золотом или серебром. Ойомо — бог не только солнца, но и математики, и большинство жен-